

форме и способам обеспечения».<sup>24</sup> Обычно исследователи первобытнообщинного строя признают функционирование на всех этапах его развития независимых друг от друга общественных объединений. Как правило, не оспаривается и то, что каждый из подобных коллективов, включая самые древние, исторически первые, расчленяется на целый ряд социальных организаций, удовлетворяющих отдельные потребности людей, и, кроме того, обладает центральными органами управления, в ведении которых находятся вопросы, имеющие значение для всей самостоятельно существующей человеческой общности. Иными словами, наличие в первобытной истории с самого ее начала универсальной социальной организации признается. Однако подобная организация немыслима без общеобязательных для ее членов норм, нормативного регулирования, равно как без правил поведения и нормативного регулирования в корпорациях, являющихся частями всеобъемлющей организации. Следовательно, необходимо признать и их реальность, так же, как реальность самой универсальной организации.

Бесспорно, в первобытном обществе система социальных норм и нормативного регулирования не столь разветвленная, как в классовом. При первобытнообщинном строе уже, чем в условиях существования классов, круг удовлетворенных потребностей. Соответственно здесь меньше социальных организаций, обеспечивающих посредством нормативного регулирования реализацию человеческих нужд, а значит меньше и присущих каждой корпорации совокупностей социальных норм, входящих в виде подсистем в нормативную систему универсальной организации. Но само наличие дифференцированной организационной ее структуры предполагает и дифференцированность системы нормативного регулирования и социальных норм. Тем самым в доклассовой универсальной организации наряду с иными видами нормативного регулирования необходимо существует общеполитичное нормативное регулирование.

Это подтверждается данными этнографии. Так, О. Е. Чудинова пишет, что в локальных группах австралийских аборигенов нарушения некоторых правил поведения трактуются как угроза благополучию всего общества. За подобные нарушения провинившихся наказывает локальная группа как целое в лице общегрупповых руководящих органов. Отступления же от этих правил, скажем, мелкие нарушения, рассматриваются как частное дело и разрешаются непосредственно заинтересованными лицами и их близкими родственниками.<sup>25</sup> Различие у аборигенов Австралии «между проступками... против общества в целом... и теми, которые разрешаются» органами управления входящих в полицию корпораций, отмечают также Р. М. и Ж. Х. Берндты.<sup>26</sup> Они дают развернутую характеристику нормативного регулирования в обоих случаях, описывают проводимые в жизнь правила поведения.<sup>27</sup> Аналогичные данные приводятся также в работах, посвященных низшим охотникам и собирателям других регионов земного шара.<sup>28</sup> Имеются многочисленные свидетельства присутствия общеобязательных социальных норм и в более высокоразвитых, чем социальные организмы низших охотников-собирателей, первобытных обществах.<sup>29</sup>

Данные примеры — свидетельство важности изучения правоведами исторически первых форм социальной организации и социального (нормативного) регулирования. Наряду с этим необходима аргументированная критика с марксистских позиций работ политических и правовых антропологов, посвященных тому, что они именуют политической организацией и правом на всех стадиях развития первобытнообщинного строя.<sup>30</sup>

<sup>24</sup> Венгерова А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 30.

<sup>25</sup> Страны южных морей. С. 192—194.

<sup>26</sup> Бернат Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 268.

<sup>27</sup> Там же. С. 260—281.

<sup>28</sup> Service E. R. The Hunters. Engwood Cliffs, 1966. P. 47—58, 107—110.

<sup>29</sup> African Political Systems. London, 1941. P. 202—204; Hammond P. B. Op. cit. P. 303—307; Service E. R. Origins of the State and Civilization. New York, 1975. P. 90—94.

<sup>30</sup> Одну из попыток такой критики см. в упомянутых работах Л. С. Васильева и Р. О. Халфиной.

## Политическая власть в Древнем Риме: становление и эволюция

А. В. ИГНАТЕНКО \*

Изучение истории политической власти в первую очередь предполагает обращение к такой категории, как политический режим. В последние десятилетия проблема политического режима достаточно эффективно разрабатывается советскими

\* Доктор юридических наук, профессор Свердловского юридического института.

государствоведами и политологами. Причем понимается ли он как компонент формы государства<sup>1</sup> либо как элемент политической системы в целом, ее «функциональная сторона»,<sup>2</sup> речь по существу идет об одном и том же: об участниках политического процесса — классах, группах и организациях, о реально действующих нормах, которые регламентируют их взаимоотношения, о методах, используемых политическим руководством при осуществлении прерогатив власти и управления.<sup>3</sup> Политический режим, тесно соприкасающийся с социальной структурой, не только раскрывает особенности функционирования государственной власти, но, четко отражая социальные сдвиги, вместе с тем позволяет увидеть динамику организации власти, понять ее характерные черты, выявить конкретно-классовое содержание.

При всей своей значимости данный феномен, универсальный характер которого уже не подвергается сомнению,<sup>4</sup> применительно к дубуржуазному государству специально не рассматривался ни историками-правоведами, ни политологами.<sup>5</sup> Не изучен генезис политического режима и в Римском рабовладельческом государстве, хотя интерес к данной стороне политической жизни античного общества возник очень давно. К ней обращались уже древнегреческие и древнеримские мыслители (Аристотель, Платон, Панетий, Полибий, Лукреций, Цицерон) в своих концепциях о различных «правильных» и «неправильных» форм государства.

Проблема политического режима в римской общине — неотъемлемая часть более общей проблемы политизации и оформления публичной власти. Сформировалась римская *civitas* в VIII—VII вв. до н. э. из родо-племенных и территориальных коллективов путем обособления от окружающих племен в *препенах* одного разрастающегося поселения. В ходе этого процесса складывалось отношение к внешнему миру как к преимущественно чуждому, враждебному; одновременно наблюдалось внутриобщинное сплочение, которое подкреплялось определенным отношением к «естественной лаборатории» — земле. Однако даже в период правления первых ректоров внутриобщинного коллектива отсутствовало единство. Как отмечает И. Л. Маяк, *gentes* были разделены на большие патриархальные семьи, внутри которых не было равенства: наделенная земля родовых общин, как и наделы сосуществовавших с ними общин территориальных, постепенно переходила в частное владение *paterfamilias*<sup>6</sup> Уже в начале «эпохи царей» Рим знал социальное и имущественное неравенство, клиентскую зависимость, патриархальное рабство, выделение знати и социальные раздоры, а также «усиление царской власти за счет принижения роли народного собрания и особенно сената».<sup>7</sup> При всем том о преобразовании гентильной общины в территориально-соседскую, об образовании *пописа* — *civitas*, т. е. «гражданской общины», социально-экономической основой которой была античная форма собственности. И. Л. Маяк считает возможным говорить лишь начиная с этрусских правителей. В сущности предлагается традиционная концепция возникновения государственности в Риме в послесервианскую эпоху. Во всем ли она приемлема?

Главный фактор, обусловивший политизацию общины, — классовая, социальная борьба. Когда же она возникла и в каких формах проявлялась на ранней стадии развития римского общества? Если опираться на античную традицию, доверие к которой в настоящее время сильно возросло, то уже при Ромуле наблюдались противоречия между знатью и рекомом, ущемившим ее привилегии по руководству хозяйством и главное — по распоряжению землей.<sup>8</sup> Подмечая эти разногласия, Н. Ф. Шиллюк вместе с тем акцентирует внимание на борьбе рано появившихся плебеев-«общинников» за право оккупировать общинные резервные земли.<sup>9</sup> Однако традиция не сохранила конкретных сведений о борьбе между патрициями и плебеями, вплоть до

<sup>1</sup> Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. I. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 235; Теория государства и права / Отв. ред. А. М. Королев, Л. С. Явич. Л., 1982. С. 48.

<sup>2</sup> Ильинский И. П., Мишин А. А., Знган Л. М. Политическая система современного капитализма. М., 1983. С. 189 и сл.; Основы теории политической системы / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. Е. Чиркин. М., 1985. С. 100.

<sup>3</sup> Политические системы современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, В. Е. Чиркин. М., 1978. С. 38.

<sup>4</sup> Методология историко-правовых исследований / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1980. С. 8.

<sup>5</sup> Исключение составляет книга: Ковлер А. И., Смирнов В. В. Демократия и участие в политике. М., 1986.

<sup>6</sup> Маяк И. Л. Рим первых царей: Генезис римского *пописа*. Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 201, 209, 231; ср.: Андреев М. Недвижимая собственность в Риме до Двенадцати таблиц // Вестник древней истории. 1955. № 1. С. 143; Sereni E. *Comunità rurali nell'Italia antica*. Roma, 1955. P. 377. De Martino F. *Storia della costituzionale romana*. 2 ed. Napoli, 1972. V. I. P. 18—21. 27.

<sup>7</sup> Марк И. Л. Указ. соч. С. 260, 258, 157 и др.

<sup>8</sup> Plut. Rom. XXVII; Liv. I. 15—16.

<sup>9</sup> Шиллюк Н. Ф. Социальная структура раннеримского общества // Античная древность и средние века: Проблемы социального развития. Сб. науч. тр. Свердловск, 1985. С. 12—13.

событий, связанных с сервианской реформой, да и последние изображены у Ливия так, что роль плебеев остается неясной.<sup>10</sup> Не могли занимать самостоятельной позиции в социальной борьбе того времени и рабы. Следовательно, мохно констатировать противоречия, сложившиеся в римском раннеклассовом обществе между народом и знатью, указать же, в каких именно формах они проявлялись, мы не в состоянии. Зато источники прямо отмечают специфику иных социальных столкновений, существовавших в царском Риме.

Захват земельных угодий, грабительские нападения на соседей в VII—VI вв. до н. э. для большинства племен Италии сделались регулярными. В разрастающейся римской общине при крайне низкой рентабельности хозяйства и стремлении патрициата к обогащению захватническая политика превратилась в норму жизни, а война — в постоянный промысел, в своего рода «хозяйственную деятельность». Ценина, Фидены, Крустумерий, Антемна — лишь первые жертвы агрессии римлян. И если, по Плутарху, ценницы при переселении в Рим еще *nonusani* права, одинаковые с правами членов римской общины, то остальные, будучи перемещены насильственно, лишились и земель (на них были поселены римляне) и прав. Поэтому завоеванные общины нередко восставали, и карательные акции предпринимались неоднократно против одной и той же непокорной общины.<sup>11</sup> Именно здесь был главный узел ранних социальных противоречий в Риме, обусловивших появление публичной власти, не совпадающей «непосредственно с населением, организующей самое себя как вооруженная сила».<sup>12</sup>

Внешние и внутренние функции этой публичной власти еще не расчленены. Казалось бы, в первую очередь ее акции обращены во вне, против соседних племен. Но поскольку они преследовали обогащение уже не общины в целом, а преимущественно патрициев, то власть эта, едва возникнув как «организация для грабежа и угнетения соседей», стала превращаться в «самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа».<sup>13</sup> Иными словами, начавшийся процесс политизации выразился в том, что публичная власть обрела новые, внутренние функции — подавление, подчинение завоеванного населения и вместе с тем удержание в подчинении римской бедноты, плебеев, клиентов. Это, в свою очередь, обусловило и изменения «структурного» характера. Возникает особая, отделенная от народа военная организация — конная дружина рекса как главный орган насилия и принуждения.

Политическую организацию римского общества «царского периода» традиционно называют военной демократией. Действительно, это была демократия для воинов — квиристов, полноправных членов складывающейся римской *civitas*, способных вооружиться за свой счет и организованных в курии. Осуществлялась она через народные собрания, которые также собирались по куриям. Уже в этом — изъятие из принципа непосредственного народовластия. Куриатные комиции *reugani*, как правило, лишь вопросы военного характера: о созыве войска, избрании верховного военачальника, передаче рексу пожизненного права распоряжения и верховного командования военными силами. Причем источники нигде прямо не указывают, что в куриатных комициях ставился вопрос об объявлении войны или заключении мира; не были они наделены и прерогативой распределения общинной земли, в том числе вновь приобретенной. Налицо урезанный и формальный характер демократии для воинов и вместе с тем значительная концентрация властных функций у знати, игравшей в куриях решающую роль, пропатрицианская сущность куриатной организации в целом. Отсюда понятна дальнейшая общая тенденция «перерождения» органов, унаследованных от родо-племенного строя: а комиции, и сенат, а в первую очередь — войско, изменяя свои функции, состав, организационную структуру, приобретали все более ярко выраженный классовый характер, превращались в органы принуждения и насилия, защищавшие интересы патрицианской знати и за пределами и внутри *civitas*. Даже власть рекса сохранялась лишь по тех пор, пока была нужна римской знати как власть вождя военной дружины, некое связующее звено между знатью различных этнических компонентов общины.<sup>14</sup>

Итак, военная демократия в Риме периода правления рексов была ранней формой аристократического режима, характеризовавшегося: а) принадлежностью властных функций узкому кругу патрицианской знати; б) особыми средствами осуществления, к каковым в первую очередь могут быть отнесены куриатная военная и политическая организации; в) специфическим способом властвования, замаскированным формами первобытнообщинной демократии; г) заметными изменениями в функциях сената и рексов; д) пока еще только зарождающимися изменениями в структуре органов публичной власти. В качестве определенной совокупности средств и способов выражения власти знати политический режим начал формироваться в Риме

<sup>10</sup> De Rom. R. E. A. The Archaic Community of the Romans. Cambridge Univ. Press, 1970. P. 201. sqq.

<sup>11</sup> Plut. Rom. XVI, XVII, XXVII, Liv. I. 9, 10—11; 14—15, 22, 27 et seq.

<sup>12</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 170.

<sup>13</sup> Там же. С. 164—165.

<sup>14</sup> Bloch R. The Origin of Rome. New York, 1960. P. 30.

именно с того времени, когда военной организацией стали распоряжаться патрициат и его органы. Сложившись прежде, чем государственный механизм, раннеаристократический режим предопределил направление развития Римского государства как диктатуры патрицианской земельно-рабовладельческой знати.

Изменения функций публичной власти благодаря нововведениям Сервия Туллия в принципе не поколебали эту политическую тенденцию. Казалось бы, устранение курий из политической жизни и введение центуриатной организации, составившей основу формирующейся политической системы, должны были обеспечить приход к власти состоятельных граждан вообще. Однако в конкретной исторической ситуации, сложившейся в Риме в конце VI в. до н. э., включение массы плебеев в центуриатную организацию, ослабив на время противоречия между сословиями, привело лишь к упрочению политических позиций старой знати. Более того, благодаря объединению с богатыми плебейскими семьями, включенными во всадническую центурию либо даже в состав патрициата,<sup>15</sup> она настолько укрепила свои позиции в центуриатной организации и начала оказывать такое влияние на общественно-политическую жизнь общины, что добилась изгнания последнего представителя этрусской династии Тарквиниев. Власть рекса, по сервианской конституции лишенного своей дружины, становилась ненужной и была вообще устранена из политической жизни, возможно, в результате восстания знатных родов,<sup>16</sup> поддержанных клиентами и плебейми. Сложная структура центуриатной организации позволила патрицианским кругам превратить и новые комиции, которым теперь принадлежали законодательные и электоральные прерогативы, а *de jure* и распоряжение войском, в надежный инструмент политического господства. Патриции усилились также за счет избираемых из их среды магистратов (преторов, консулов). Наконец, главным органом знати сделался сенат, комплектуемый в условиях республики не рексом, а высшими магистратами, который состоял из наиболее авторитетных патрициев и постепенно в силу традиционной *patrum auctoritas* присвоил фактически все властные полномочия. Реформаторская деятельность Сервия Туллия и последовавшие изменения в структуре публичной власти, таким образом, как бы завершили первоначальный этап формирования аристократического патрицианского режима и закрепили *ero*.

V—IV вв. до н. э. для римской общины — период новых важных изменений в организации публичной власти. Как известно, результатом многочисленных военных кампаний были огромные территориальные приобретения.<sup>17</sup> Однако плебейм, составлявшим основную массу *воинов* римских легионов, досталась лишь сравнительно небольшая доля захваченных земель. По подсчетам @. М. Нечая, за период с 450 по 376 г. по н. э. им было передано не более трети площади, отнятой у окружающих племен.<sup>18</sup> Это превращало военную службу плебеев в повинность, в своеобразную форму эксплуатации патрициями простых сограждан, делало непопулярными продолжительные военные кампании и нередко вызывало сопротивление *воинов* наборам. В последнюю четверть V в. до н. э. серьезным становится также требование ввести жалование воинам за счет государственной казны.<sup>19</sup> Однако борьба плебейских масс против патрициев имела и более глубокие социально-экономические корни.

Плебейам не были доступны ни общинные земли, ни привилегированная собственность на землю по квинтскому праву — в этом одно из важнейших их отличий от патрициев. Даже будучи собственниками небольших участков, плебеи не могли расширять свои хозяйства за счет постепенного присвоения участков на *ager publicus* — Земельный вопрос потому активно обсуждался уже с самого начала V в. до н. э. Аграрные законопроекты нередко носили весьма радикальный характер, отражая требования плебеев предоставить землю тем, чьим оружием она завоевана.<sup>20</sup> По сути дела народные трибуны выступали за *перенес* общественных земель. Тем не менее в течение долгого времени борьба эта, несмотря на расширение земель общины, имела ничтожно малые результаты.

Социально-политическую картину в Риме V—IV в. по н. э. дополняет борьба плебейской бедноты против жестокого долгового права. Уже реформа Сервия Туллия свидетельствовала о высокой степени имущественной дифференциации. Последовавшие за изгнанием этрусской династии экономические трудности, вызванные раз-

<sup>15</sup> Liv. I. 35.

<sup>16</sup> Хан И. Плебей и родовое общество // *Studia Historica* (Budapest). 1975. Vol. 94. P. 25.

<sup>17</sup> Beloch J. *Das Italische Bund unter Roms Hegemonie*. Leipzig, 1880. S. 70—71; Дьяков В. Н. История римского народа в античную эпоху. Ч. 1: Возникновение классового общества и государства в Риме // Учен. зап. МГПИ. Т. XVI. Вып. 2. М., 1947. С. 79.

<sup>18</sup> Нечай Ф. М. Римские завоевания и их влияние на аграрные отношения во 2-й половине V в. и начале IV в. до н. э. // Учен. зап. БГУ. Сер. истор. Вып. 16. Минск, 1953. С. 424.

<sup>19</sup> Liv. IV, 53, 13; 59, 11.

<sup>20</sup> Liv. IV, 36, 43, 47—49 et seq.

рывом с ремесленными и торговыми центрами Этрурии,<sup>21</sup> неудачные войны с северными соседями, приведшие к временному сокращению *ager Romanus*,<sup>22</sup> еще более усилили социальное расслоение. Основная крестьянская масса плебеев разорялась, впадала в нищету, оказывалась в долговой кабале. Невозможная при малоземелье задолженность значительной части сельского плебса, да и городских плебейских масс, особенно возрастала из-за постоянных опустошительных набегов горных племен вольсков и эквов, ежегодных мобилизаций в войско, налогов и расходов на войну. Все это расширяло долговую кабалу, ужесточало эксплуатацию *pehi*, учащало *cnusas* продажи должников в рабство за *Tiobr*.

В результате длительной и ожесточенной борьбы<sup>23</sup> плебеи отстаивали свое право на земли римской общины как право воинов на добычу. Законом Лициния — Секстия в 367 г. до н. э. они были, хотя и с ограничениями, допущены к эксплуатации *ager publicus*. Закон Петелия в 326 г. до н. э. запретил заклад личности за долги и ликвидировал кабальное рабство.

Свои интересы в борьбе против патрициев преследовал и городской плебс. Ливий приводит немало примеров, когда патрициям удавалось расколоть плебс, привлечь его верхи на свою сторону, использовать интерцессию плебейских трибунов.<sup>24</sup> Со временем деление плебеев на богатых и бедных сделалось столь значительным, что антипатрицианском движении оформилось особое течение, со своим требованиями, программой. Богатая плебейская верхушка добивалась допуска к магистратурам.

В V—IV вв. до н. э. многие патрицианские роды деградировали. Свыше половины их было истреблено в войнах.<sup>25</sup> Утратили они влияние а на клиентов, которые реформой Сервия Туллия были освобождены от обязанности участвовать в военных мероприятиях патрицианских родов и несли службу не по куриям, а в центуриях. Роль клиентеллы вообще снизилась, что обрекло на упадок хозяйства многих патрициев. Все это подрывало экономические позиции старой знати и вело к урезыванию ее политических преимуществ. В V в. до н. э. свободное население Рима распалось на два имущественных слоя, по сути дела на два класса: свободных мелких производителей и богатых землевладельцев-рабовладельцев, что нашло закрепление и в праве.<sup>26</sup> В сложившейся ситуации правящие круги ради укрепления собственных позиций готовы были пойти на политическое сближение с богатой верхушкой плебейства.

Оно наметилось уже с конца VI в. до н. э. Несколько знатных плебейских семей при Тарквиниях были включены в состав патрициата, получив название *patres conscripti*.<sup>27</sup> Позднее плебеи вошли в состав комиссии децемвиров и коллегии военных трибунов с консульской властью (444 г. до н. э.). Наконец, нельзя недооценивать снятие в 445 г. до н. э. запрета с патрицианско-плебейских браков, что создавало новые возможности для объединения знати обоих сословий. После этого последовал ряд законов, открывавших влиятельным плебеям доступ ко всем важнейшим должностям в государстве. Одновременно они начали избираться и на жреческие должности: в 367 г. впервые вошли в коллегию *decemviri sacris faciendis*. *Lex Ogulnia*, включив плебеев в коллегии понтификов и авгуров, завершил этот процесс. Конечно, данные привилегии распространялись на сравнительно узкий слой плебса, который по имущественному положению, образу жизни почти не отличался от патрициев.<sup>28</sup> Важное значение для состоятельных плебеев имел также результат первой сессии 494 г. до н. э. — введение плебейского трибуната и эдилитета. Поскольку трибуны, в которых исследователи BUART военных предводителей плебейских территориальных триб,<sup>29</sup> обычно избирались из наиболее влиятельных плебейских кругов, плебейская знать тем самым получала возможность в какой-то мере влиять на политическую жизнь Рима. Со временем значение трибунов вообще настолько возросло, что, если полагаться на Ливия, наме отдельные представители патрициата добивались включения в эту чисто плебейскую коллегию.<sup>30</sup>

Указанная политическая тенденция существенно отразилась на социальной структуре римской *civitas*. К концу IV в. до н. э. патриции и плебейская верхушка

<sup>2</sup> Frank T. An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1933. Vol. 1. P. 5. sqq.

<sup>22</sup> Дьяков В. Н. Указ. соч. С. 103.

<sup>23</sup> Liv. III, 48,4; IV, 13, 9; VI, 31, 1; 42,9; Diod. XV, 61,1; 75,1.

<sup>24</sup> Liv. IV, 48; 53; 58; V, 2 sq.; VI, 39,1.

<sup>25</sup> Mommsen Th. Die Römischen Patriciergeschlechter // Romische Forschungen. Berlin, 1864. Bd I. S. 71.

<sup>26</sup> Законы XII таблиц: Таблица 1,4 // Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 62.

<sup>27</sup> Liv. I. 35.

<sup>28</sup> Munzer F. Romische Adelspartien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 9—10.

<sup>29</sup> Binder J. Die Plebs. Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1909.

<sup>30</sup> S. 370; Немировский А. И. История раннего Рима и Италии: Возникновение и классового общества и государства. Воронеж, 1961. С. 245.

<sup>30</sup> Liv. V. 10—11.

слились в одну общественную группу. Возникла новая знать, обладавшая правом-привилегией занимать высшие должности в государстве. С конца III в. до н. э. после введения запрета представителям знати заниматься торгово-денежными операциями в широких масштабах нобилитет начал превращаться в землевладельческую верхушку римского общества. Именно на базе этой «служилой» землевладельческой знати позднее выросло особое сенаторское сословие. Нобилитету противостояла остальная масса римлян, за которой сохранилось старое название «плебс». Его особенность — крайняя неоформленность, расплывчатость, многочисленность состава. Так, в результате длительного развития к началу III в. до н. э. социальная структура римского общества приобрела качественно новые черты: в основе разделения на сословия лежали теперь не принадлежность к коренной римской общине, а принцип имущественного различия, а также социально-экономические и политические функции. Оформление нобилитета, его сплочение явились результатом острейшей социальной борьбы, которую с полным основанием можно определить как классовую.<sup>31</sup>

Постепенно по мере допуска плебеев к общественной земле и превращения ее в частнособственническую, вытеснения долгового рабства рабством иноплеменников, усиления эксплуатации римской общиной завоеванного населения Италии и римскими рабовладельцами класса рабов грани между сословиями патрициев и плебеев стерлись окончательно. Их интересы удовлетворялись, хотя и в разной степени, одними и теми же путями: в ходе завоеваний, за счет эксплуатации союзников и провинциалов. В процессе развития рабовладения оформились основные антагонистические классы рабовладельческого Рима: класс рабов — из иноплеменников и класс рабовладельцев — богатых патрицианско-плебейских семей; складывались и антагонистические противоречия между *humi*. Увеличение количества невольников, усиление их эксплуатации и обострение классовой борьбы рабов способствовали дальнейшей консолидации нобилитета. Формировалась новая социальная структура, а на ее основе и новая политическая структура.

В политическом отношении полноправное население Рима IV—III вв. до н. э. — это имущие граждане, объединенные в центуриатную и трибутную организации. На основе центурий создавались легионы — для выполнения общей задачи по охране и расширению *plebscita*, и комиции — для совместного распоряжения государственной собственностью, решения вопросов войны и мира, выборов высших магистратов и т. д. Народные сходки, носившие формальный характер военной демократии, в собраниях по центуриям получили широкое развитие. Эти «милитаризованные комиции сосредоточили законодательные, электоральные и судебные полномочия. Появившиеся в начале V в. трибутные комиции (с правом издавать новый вид законов — *plebscita*, действовавших наряду с *leges* центуриатных а куриатных комиций) стояли в основном из тех же самых крестьян-граждан-воинов и по существу дополняли деятельность центурий. Вооруженные силы, таким образом, не только являлись аппаратом «внешнего» и «внутреннего» насилия, но, будучи организованы в комиции, составляли важнейший элемент государственного механизма. И все эти органы государства находились в руках знати. Как центуриатная, так и трибутная организации были важным и эффективным инструментом воздействия правящей верхушки на рядовых сограждан. При изначальной римской традиции голосовать в *COMMUNUX* по куриям, центуриям, трибам, где «голос» принадлежал определенному коллективу, а следовательно, требовал предварительной «организации» общественного мнения, сложившиеся социально-политические структуры стали своеобразным средством, с помощью которого нобилитет занимал правящие позиции. Возможности нобилей использовать обе организации в своих интересах были поистине неисчерпаемы: от перевеса голосов центурий первого класса (до 312 г. до н. э.) в особым способом организованных *COMNUARX* до влияния на решения последних особым авторитетом «отцов-сенаторов», от воспитательного либо императивного воздействия знатных военачальников на солдатскую массу в центуриях по прямому подкупу *romos* граждан в трибах, где богатые плебейские семьи издревле пользовались влиянием.<sup>32</sup>

Наконец, подлинным оплотом нобилитета к III в. до н. э. стали избираемые в комициях должностные лица из нобилей и сенат, в котором заседали бывшие куркульные магистраты. Интенсивное экономическое и социальное развитие, обострение классовой борьбы и рост территории Рима стимулировали формирование и совершенствование аппарата, что в первую очередь ознаменовалось развитием системы магистратур. Сложившись в основном в период ранней республики, она разрасталась, появилась специализация, был определен круг полномочий каждой должности.<sup>33</sup> Со временем магистратуры охватили все сферы управления делами римской общины и Римско-италийской федерации. Одно из усовершенствований магистратуры — введение принципа коллегиальности, которая к периоду расцвета республики сделалась

<sup>31</sup> Дьяков В. Н. Указ. соч. С. 100; Немировский А. И. Указ. соч. С. 155, 217, 243; De Martino F. Op. cit. P. 32, 101, 180.

<sup>32</sup> К тому же голосование в комициях вплоть до 2-й половины II в. до н. э. не было тайным.

<sup>33</sup> Хвостов В. М. История римского *npasa*. Изд. 7-е. М., 1919. С. 32—33; Покровский И. А. История римского *npasa*. Изд. 3-е. Пг., 1917. С. 72—54.

специфической особенностью всех без исключения ординарных римских должностей и которую исследователи считают результатом борьбы плебеев против политической монополии патрициев.<sup>34</sup> Действительно, в процессе развития коллегальности к середине IV в. до н. э. количество магистратов возросло до нескольких десятков, и по мере объединения патрициата с верхушкой плебейства все посты один за другим становились доступными плебеям. Причем, что важно, властные функции магистратов во многом были обусловлены их тесной связью с войском. Возникнув из военной организации, на основе ее нужд и потребностей, высшие магистратуры — претура, консулат, военный трибунал с консульской властью, выросшие из должности верховного военачальника, и даже квестура и цензура — обладали широкими полномочиями в сфере военного ведомства.<sup>35</sup> Государственный аппарат комплектовался главным образом из представителей нобилитета, прошедших школу военной службы и приобретших необходимый для носителя империяума военный опыт.

Но особенно большая роль в государственном механизме принадлежала сенату. Присвоив в силу *senatus auctoritas* контроль за всей деятельностью комиций и магистратов, он стал вестись государственным имуществом и казной, культом и внешней политикой. Захватив сначала *de facto*, а затем и *de jure* право распоряжаться войском и военачальниками, в том числе и верховным командующим, завладев не только аппаратом управления, но и аппаратом принуждения, подчинив себе всю деятельность комиций, сенат из совещательного органа трансформировался в распорядительный и исполнительный, фактически сделался высшим органом государственной власти. В отличие от более раннего патрицианско-аристократического режим, сложившийся к III в. до н. э., был политическим оформлением экономического господства определенных кругов крупных землевладельцев-рабовладельцев. В силу военизации политической жизни римского общества он может быть определен как нобилитарный, военно-аристократический. В дальнейшем, особенно в результате I и II Пунических войн, аристократия начинает перерастать в олигархию.<sup>36</sup> Тем самым анализ социально-политического развития римского общества на протяжении VII—III вв. до н. э. позволяет не только проследить внешние, видимые аспекты и тенденции политической жизни в Риме, но и вскрыть ее суть, внутреннее содержание, т. е. выявить ее политический режим.

Итак, бесспорно, что и установление политической власти аристократических верхов и эволюция политического режима в Риме обусловлены развитием социальной борьбы, ее обострением. То, какому органу и каким *corporibus* за ним силам на каждом конкретном этапе принадлежала высшая военная власть, определяло специфику политического режима Рима на каждом этапе его развития. Непременно эволюция аристократического режима от военно-демократического к патрицианскому, а затем — нобилитарному. Одновременно это позволяет конкретизировать сущностную характеристику складывавшейся аристократической республики. Выяснение того, какую именно разновидность режима, *pace* какую фазу его переживает в каждый конкретный момент исследуемое государство, столь же необходимо, как и выявление формы политического режима вообще. История государства *перетина* множество вариантов каждой формы режима, и навязывание ей инвариантной модели режима демократического, аристократического либо авторитарного даже в *пределах* одного типа может привести к серьезному искажению конкретной исторической действительности.

<sup>34</sup> De Martino F. *Op. cit.* P. 189, 230—231.

<sup>35</sup> Игнатенко А. В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики. Свердловск, 1976. С. 80—81.

<sup>36</sup> Ср.: Ковалев С. М. История Рима. Изд. 2-е. Л., 1986. С. 101—102, 254; Ковлер А. И., Смирнов В. В. Указ. соч. С. 84—85.